[1] Тронский И.М. История античной литературы: Учеб. для ун-тов и пед. ин-тов. 1-е изд., испр. и доп. М., 1983. С. 103.
[2] Корзун М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до нашей эры. Мн., 1975. С. 5.
[3] Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы: Курс лекций. М., 2001. С. 52.
[4] Сидорцов В.Н. Методы исторического исследования. Мн., 2000. С. 137–145.
[5] Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учеб. пособие. Мн., 1997. С. 27.
[6] Там же.
[7] Сидорцов В.Н. Указ. пр. С. 139.
[8] Красных В.В. Свой среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 149.
[9] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 128.
[10] Фукидид. История. II, 34–46 // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 180.
[11] Там же. С. 180.
[12] Корзун М.С. Указ. пр. С. 5.
[13] Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 91.
[14] Аристотель. Политика. VI, 7 // Античная демократия... С. 159–163.
[15] Маринович Л.П. Указ. пр. С. 144.
[16] Фукидид. Указ. пр. С. 182.
[17] Там же. С. 180.
[18] Маринович Л.П. Указ. пр. С. 44.
[19] Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 202.
[20] Селиванова Л.Л. Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире): В 2 ч. Ч. 2. Античный мир. М., 2003. С. 221.

Поступила в редакцию 19.12.2003.

Николай Иосифович Миницкий – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории БГПУ им. М. Танка.

Е.Д. СМИРНОВА, С.А. РОГАЧ

КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ: ИСТОКИ ФЕМИНИЗМА*

Главной целью статьи является выделение и означивание того индивидуального «авторского места», которое занимала Кристина Пизанская, первая в эпоху Средневековья профессиональная писательница Европы. Соответственно рассматриваются основные задачи исследования: во-первых, выбор отдельных трактовок ее творчества с попыткой проведения их самостоятельного анализа, во-вторых, нахождение определенных моделей интерпретаций «феминизма/традиционализма» писательницы.

The main object of this article is an accentuation and a designation of an individual «author's place» occupied by Christine de Pizan, the first professional woman-writer in Medieval Europe. From here the principal tasks of research follow: in the first place, selection of *separate treatments* of her creation along with the attempt to realize their independent analysis, and in the second place, finding of some definite model of interpretation of «feminism/traditionalism» of the medieval woman-writer.

Шесть веков отделяют нас от времени жизни и творчества Кристины Пизанской (1364–1431), фактически первой *профессиональной* писательницы эпохи Средневековья, сумевшей открыто (или неявно) выразить свои мысли о необходимости признания достоинств и способностей женщин, не уступающих, а порой и превосходящих мужчин по многим качествам.

Для начала обратим внимание на то, что при ведении современного исторического анализа необходимо помнить, *кем* прежде и *каким образом* вырабатывались традиционные нормы и принципы изложения истории: по су-

* Памяти Ю.Л. Бессмертного, обратившего наше внимание на личность и творческое наследие Кристины Пизанской 20 лет назад.

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

ти, осуществлялось это мужчинами, являвшимися основателями европейских университетов, «отцами» академической дисциплины «История», а следовательно, и писавшими ее в соответствии с *собственными* нормативно установленными научными версиями. Если же по-новому – опираясь на гендерные теории – взглянуть на данный исторический фрагмент, возникают совсем иные интерпретации феминистских идей Кристины. Исходя из этого, попытаемся понять, что же она действительно говорила и думала об этом *в свете нашего знания* об окружавшем ее обществе.

Итальянка по происхождению, французская писательница Кристина Пизанская жила при королевских дворах Карла V (Мудрого) и Карла VI (Безумного). Необычные моменты в ее жизни обращают на себя внимание с самого момента рождения: дочь известного итальянского астролога и врача, служившего при дворе Карла V, Кристина получила прекрасное (и не только для женщин!) по тем временам образование и в 15 лет вышла замуж за знатного молодого человека (королевского секретаря). Их брак (как писала Кристина) был счастливый. Однако уже в возрасте 25 лет она становится вдовой с тремя маленькими детьми (одновременно ухаживает за своей матерью и сиротой племянницей: отец Кристины умер несколькими годами раньше)[1] и посвящает себя литературным трудам[2], которые и сегодня представляют интерес для многих современных историков (в том числе феминисток)*, среди которых выделяются как жесткие критики писательницы, так и ее сторонники.

Западные исследователи неоднократно обращали внимание на специфическую тактику писательницы – умение подчеркнуть свою принадлежность «иному», «женскому полу», на восприятии (по выражению блистательного философа наших дней Ж. Деррида) «феминного как метафоры иного». «...Будучи женщиной, – писала она, – я выступаю за женщин... И именно потому, что я – женщина, я могу нести более правдивые свидетельства..., чем те, у кого нет прямого опыта...»[3] (Здесь и далее – перевод авторов статьи.)

Как видится нам, особенности личности Кристины Пизанской (обладавшей в высшей степени отличительным складом ума) в первую очередь проявляются в ее автобиографических трудах (трактатах и поэтических балладах), в нетрадиционных способах самовыражения. Так, в приводимых Кристиной примерах из жизни знатных женщин Средневековья встречаются совершенно нетипичные для того времени предложения по вопросам обеспечения семьи и использования ими собственных доходов[4]. Определенную роль в этом, очевидно, сыграли особенности жизни самой писательницы, а именно непрекращавшиеся длительное время судебные тяжбы, касавшиеся унаследованного от мужа имущества, так или иначе вынуждавшие Кристину обращаться к поискам средств для существования и содержания своей семьи[5]. В результате, как заметил Эрик Хикс, она стала первым профессиональным писателем Европы, получавшим деньги благодаря продаже собственных текстов[6].

Настолько же нехарактерной для Средневековья была и позиция Кристины в отношении получения женщинами такого же образования, на которое имели право только мужчины из определенного слоя общества[7]. Еще более категорично она выступала по случаям изнасилований женщин: она первой открыто опровергла обвинения женщин в якобы стимулировании ими (по собственным желаниям) агрессивных действий мужчин[8]. В своей

* Достаточно большой объем исследований (книг и статей), посвященных французской писательнице, опубликован преимущественно за рубежом. В русскоязычной литературе нам известно лишь имя одной исследовательницы. См.: Елизарова Е.Ю. Система обучения наследника престола в политической мысли Кристины Пизанской // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков: Тез. докл. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых С.-Петербурга. СПб., 1998. С. 59–60.

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

«Книге о трех добродетелях» Кристина, излагая программу интеллектуального воспитания женщин всех сословий и используя известные клише о «правильной манере и поведении» знатных девушек, весьма нестандартно (в сравнении с большинством средневековых и многих последующих авторов) оправдывает (!) их «неправильное поведение», объясняя существующие негативные трактовки тенденциозной, предосудительной настроенностью мужчин[9].

Таким же кардинальным отличием Кристины от других авторов средневековых текстов выступает самое последнее из найденных ее произведений – «Слово о Жанне д'Арк» (1429). Поэма была написана сразу после коронации французского дофина: рядом с традиционным для средневековых произведений правилом воспевания короля в ней звучали абсолютно отличные строки Кристины с акцентом на принадлежность Жанны к *женскому* полу (а не стандартное приписывание ей «бесполой» святости) с соответствующим требованием признания *силы* и *чести* женщин (что выступало *за* рамки традиционного стереотипического разделения «мужских» и «женских» качеств)[10].

Показателем профессионального роста Кристины явилось ее участие в «споре о женщинах» ('querelle des femmes') по поводу «Романа о Розе»[11]. Первую часть, написанную Лорисом, Кристина, используя сравнительный прием, рассматривает в качестве положительного примера, а его продолжение, автором которого являлся Жан де Мен, – как непристойное оскорбление женщин. Подобные тексты (не только «Роман о Розе», но и, например, «Lamenta» французского писателя-«женоненавистника» Матеолуса)[12], по мнению Кристины, являются недостойными и оскорбительными, а обвинение женщин в якобы постоянно живущем в них всех чувстве зависти не лучшим образом характеризует самих мужчин. На фоне дошедших до нас письменных текстов позднего Средневековья эмоциональные слова Кристины являются ярким подтверждением ее радикального протеста против множества оскорблений, обид и обвинений, адресованных средневековым женщинам теми мужчинами, которые (говоря резкими словами самой Кристины) общались в своей жизни только с подобными им распутными особами либо клеветали на женщин из-за своих предрассудков или из-за потери своих мужских «способностей»[13].

Как пишет Моурин Киллиган, Кристина во всем проявляла себя «другой», сквозь «решето» обычных, традиционно прописываемых моделей и «норм» в ее текстах постоянно проступали личные требования и взгляды: «...ее собственная интервенция была настолько агрессивным мыслительным актом и была так хорошо организована, что можно... удивляться, была ли это та самая сила, которая представляет собой главный смысл критических текстов средневековой литературы»[14].

Посредством литературной атаки Кристина попыталась разрушить многочисленные обвинения в адрес женщин (о якобы чрезмерной «женской болтливости», «похоти», «лживости» и других, о чем уже было сказано выше) и, более того, направить их на мужчин, которые, как оказывается, сами не допускают «второй пол» в поле своих действий, в сферу обсуждения различных точек зрения и, что самое главное, во властные структуры. В данном контексте нам хотелось бы обратить внимание на статью Лилиан Дюлак «Авторитет в прозаических трактатах Кристины Пизанской: речь писателя, слово принца»[15], посвященную особенностям взаимоотношений Кристины с властью и вопросам взаимности и обратимости контактов и отношений между европейскими интеллектуалами и первыми фигурами государства (конец XIV – начало XV в.), и попробовать разобраться в позиции Кристины. При этом следует учитывать, что для большинства нерелигиозных текстов Средневековья характерным было либо обязательное присутствие в них образов власти в качестве негативных «акторов» либо как объ-

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

ектов, требующих восхваления. Отметим, что Кристина в своих текстах, посвященных высшим авторитетным лицам государства (в наибольшей степени это проявилось в трактате о Карле V), как «дитя» своего времени воспевает и оправдывает любые деяния королей. Но (!) вместе с тем ее неординарность проявлялась и здесь: в отличие от других текстописцев Средневековья она старается опереться на те или иные моменты своего личного опыта, что, с одной стороны, говорит о ее психологической глубине, а с другой – об автобиографической направленности*. Вокруг восхвалений и од, посвященных королям или другим персоналиям из высших иерархических структур, Кристина умело демонстрирует свою собственную эрудированность, глубину знаний и интеллектуальные способности. В «Книге о Карле V» она использует принятую несколько ранее технику подачи себя как автора («Je, Christine»), одновременно усиливая прием самозащиты и открыто указывая на себя как на женщину. Однако здесь же заметно и ее опасение в недостаточном к себе доверии со стороны авторитетов-мужчин из-за ее принадлежности к «слабому, неразумному женскому полу»[16]. Другими словами, своим вторжением в закрытую для женщин территорию письменного политического текста, загороженного как социальными, так и сексуальными барьерами, Кристина незаметно для самой себя высвечивает противоречие, проецируемое в акцентировке авторского индивидуализма, с одной стороны, и традиционной «женской слабости» – с другой[17].

В этом же трактате она впервые приводит в качестве примера идеальной человеческой жизни аллегорию процесса ее «укладки» и «строительства из камня» (maçon)[18], что в последующем послужит Кристине основой для написания самого известного ее труда – «Книги о Граде Женском» (1404–1405), в которой она подчеркивала, что женщина ни в чем не уступает мужчине по своим способностям. Таким образом, она приходит к метафорическому выводу о том, что для объединения женщин, для прекращения злословия в их адрес, для создания прочной защитной стены и для того, чтобы их голоса были услышаны, они должны построить свой собственный Город Женщин[19], но реального примера этой аллегории она не находит…

Проблемы, затронутые Кристиной в ее литературных текстах, эхом откликаются и сегодня: в сущности, она коснулась таких ныне актуальных тем гендерных/феминистских исследований**[20], как маргинализация женщин, гендерная идентичность, мужской шовинизм (доминирование), завуалированные формы мужского насилия и сексуальные домогательства, равенство прав с мужчинами (на получение образования, оплату труда, равенство возможностей), признание интеллектуальных способностей женщин и воз-

* Доказательством уникальности стиля Кристины может послужить то, что большинству средневековых источников как письменных, так и визуальных характерна их анонимность, и лишь в эпоху Возрождения наблюдается отход от подобного способа построения текстов, а приоритетным начинает выступать принцип индивидуализма. Психологическая же специфика стиля Кристины проявляется в ее «женском авторстве», где главной особенностью является, во-первых, ее личностно-эмоциональная настроенность, а во-вторых, умение приводить в своем письме автобиографические примеры (с акцентом на различные моменты семейной жизни).

** Неразработанность дефиниций и отсутствие единого мнения о том, что такое «гендер», «феминизм», «гендерные исследования», «женская история» и пр., неволько приводят к разночтению в толковании. Мы предлагаем отталкиваться от мнения Н.Л. Пушкаревой, ограничивающей предмет «женской истории» изучением «прекрасного пола» (в этом смысле «женская история» – часть новой науки феминологии, изучающей совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцию ее социального статуса и функциональных ролей. Временем рождения исторической феминологии или, попросту говоря, «истории женщин» стали 70-е гг. XX в. Первые работы по «истории женщин» выполнялись в рамках объявленной в США особой научной программы, названной «Women's studies»). «История женщин» была четко отделена от «истории мужчин» и сопровождалась готовностью заменить общеупотребительный термин «history» (который можно прочитать и как «his-story», дословно – «его история», «история мужчины») новым термином «her-story» (т. е. «ее история», «история женщины»). Гендерная история (или гендерный подход к истории, что, в сущности, одно и то же), хотя и не исключает «истории женской», избирает предметом своих исследований «диалог полов» в «диалоге времен».

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

можность их вторжения в закрытые для них «территории» политики и власти; изменение модели взаимоотношений полов (основанных на стереотипе «господства» мужчин и «подчинения» женщин) и мужской психологии (женское как негативное, мужское как позитивное).

Обобщая сказанное и несмотря на то, что большая часть работ, написанных Кристиной, были посвящены мужским фигурам Средневековья (королям и мужчинам из знати) и «только небольшое количество» – женщинам[21], можно утверждать, что Кристина действительно может быть названа первым образцом западного феминизма. Данная статья в этом смысле является первой в Беларуси попыткой толкования имплицитно свернутых (то слабо, то ярко проступающих), но радикальных для того времени *феминистских* идей Кристины Пизанской. Хотя ни в XIV в., ни в XV в. самого термина «феминизм» еще не существовало: «...вплоть до девятнадцатого века феминизм [явно] не достигал определенности в своих требованиях»[22]. Феминистки и суфражистки первой волны (т. е. те, кто создавал первые женские организации) появились во второй половине XIX – начале XX в. и выступали за равенство прав с мужчинами на получение образования, на участие в политической жизни, на равную оплату труда и т. п. В начале 1960-х женщины практически повсеместно добились своих прав и были вынуждены принять условия мужской игры, поэтому феминистки второй волны – начала 1960-х – поставили вопрос о равенстве возможностей реализовывать права, потребовали впустить «второй пол» во властные структуры. В своей статье мы сознательно не затрагивали те причины, которые «сделали» Кристину феминисткой. Возможно, одна из них проступает в постоянно проигрываемых ею переживаниях личной жизни: «Одним-одна, стою перед стеною // Одним-одна, гляжу в окно уныло» или «Когда бы я не свиделась с Палладой (греч. Богиня мудрости, справедливой войны считалась покровительницей женского труда и науки), то радостей и благ была б чужда... Поскольку нет мне счастья от Юноны (лат. Римская богиня брака и материнства)...»

[1] См.: Pisan Ch. de. Le livre de l'advision Christine / Ed. par L. Dulac et Ch. Reno. Paris, 2001.

[2] См.: Ibid; Pisan Ch. de. Le livre de trois vertus / Ed. par Ch. C. Willard et E. Hicks. Paris, 1989; Pisan Ch. de. Cent Ballade d'amant et de dame / Ed. par J. Cerquiglini. Paris, 1982; Pisan Ch. de. Le livre du chemin de long estude. Geneve, 1974; Pisan Ch. de. Le livre de la mutation de fortune. 4 vol. / Ed. par S. Solente. Paris, 1959–1964; Pizan Ch. de. The Book of the City of Ladies / Transl. by E.J. Richards. New York, 1982 (последняя книга была нам любезно предоставлена петербургским медиевистом Ю.П. Малининым); Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде Женском» // «Пятнадцать радостей брака» и др. соч. фр. авторов XIV–XV вв. М., 1991; Кристина де Пизан. Баллады // Семь веков французской поэзии / Пер. с фр.; Сост., вступ. ст., справки об авторах Е.В. Витковского. СПб., 1999. С. 29–31.

[3] Pizan Ch. de. From 'Lesser Treatise on the Romance of the Rose, June-July, 1401' // Women Imagine Change: A Global Anthology of Women's Resistance From 600 B.C.E. to Present / Ed. by E.C. DeLamotte, N. Meeker and J. O'Barr. New York; London, 1997. P. 287.

[4] См.: Pisan Ch. de. Le livre de trois vertus. P. 201–204.

[5] Pisan Ch. de. Cent Ballade d'amant et de dame. Paris, 1982; Pisan Ch. de. Le livre du chemin de long estude; Pisan Ch. de. Le livre de la mutation de fortune; Pisan Ch. de. Le livre de l'advision Christine.

[6] Hicks E. Situation du debat sur le 'Roman de la Rose' // Une femme de Lettres au Moyen Age. Etudes autour de Christine de Pizan / Articles inedits reunis par L. Dulac et B. Ribemont. Orleans, 1995. P. 51–52.

[7] См.: Pizan Christine de. The Book of the City of Ladies. P. 153–155.

[8] См.: Ibid. P. 160–164.

[9] См.: Pizan Ch. de. Le livre de trois vertus. P. 139–147.

[10] См.: Pizan Ch. de. Le Ditie de Jehanne d'Arc // http://www.geocities.com/Athens/Pantheon/3322/ditie.html

[11] См.: Лорис Г. де, Мен Ж. де. Роман о Розе / Пер. со старофр. Н.В. Забабуровой. Ростов н/Д., 2001.

[12] Pizan Ch. de. The Book of the City of Ladies. P. 3, 7.

[13] См.: Pizan Ch. de. From 'Lesser Treatise on the Romance of the Rose, June-July, 1401'. P. 285–287.

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.

To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

[14] Killigan M. The Allegory of Female Authority. Christine de Pizan's 'Cite des Dames'. Ithaca & London, 1991. P. 4.

[15] См.: Dulac L. L'autorite dans les traites en prose de Christine de Pizan: discourse d'ecrivain, parole de prince // Une femme de Lettres au Moyen Age. P. 15–24.

[16] Pizan Ch. de. Livre des fais du sage Roy Charles. 1, Prologue // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France, avec notice litteraire / Par J.-A.-C. Buchon. Paris, 1838. T. 11. P. 210; Ibid. 1, XIX. P. 224; Ibid., 2, XX. P. 256–257.

[17] Dulac L. L'autorite dans les traites en prose de Christine de Pizan... P. 17.

[18] Pizan Ch. de. Livre des fais du sage Roy Charles. 2, XX. P. 256–257; См. также: Dulac L. L'autorite dans les traites en prose de Christine de Pizan... P. 20.

[19] См.: Pizan Ch. de. The Book of the City of Ladies.

[20] См. подробнее: Пушкарева Н.Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях: прошлое, настоящее, будущее // ГендерLAND. 1997. № 1(5). С. 2–3; Она же. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. Ч. 1. С. 277–311. Не меньший интерес для медиевистов (которые, кстати, первыми поддержали «женскую историю») представляют работы Л.П. Репиной по исследованиям истории женщин средневековой Европы. Назовем лишь некоторые: Репина Л.П. «Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 103–109; Она же. История женщин сегодня: Историографические заметки // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 35–73.

[21] См.: Ferrante J. M. To the Glory of Her Sex: Women's Roles in the Composition of Medieval Texts. Bloomington, 1997. P. 176–177.

[22] Gottlleb B. The Problem of Feminism in the Fifteenth Century // Women in the Medieval World / Ed. by J. Kirshner and S.F. Wemple. Oxford; New York, 1985. P. 359–360.

Поступила в редакцию 09.09.2003.

Елена Дмитриевна Смирнова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.

Снежана Александровна Рогач – преподаватель истории информационно-экономической гимназии № 149 г. Минска.

С.С. ШАФАЛОВИЧ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСОБОЙ ФОРМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫМ СОЮЗОМ (ХСС) И ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ СОЮЗОМ (ХДС) ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940–1950-х гг. И ИХ СУЩНОСТЬ

Рассматриваются причины, обусловившие особый статус ХСС в рамках партийно-парламентского блока ХДС/ХСС и основные аспекты его двойственной институциональной роли.

The reasons for getting a special status of Christian Social Union inside the political parliamentary block and the main aspects of its dual institutional role are observed.

Развитие взаимоотношений двух христианских партий, (на протяжении почти всей своей истории) выступающих в едином партийно-парламентском блоке ХДС/ХСС, было обусловлено целым рядом факторов исторического, внутриполитического, общественно-экономического и идеологического характера и от этого во многом неоднозначным и противоречивым.

Во второй половине 1940-х гг. в Германии происходило организационное оформление политических сил христианско-демократического лагеря в прообразе будущего ХДС. В Баварии возникпо местное политическое объединение, которое заявило о своей самобытности и выдвинуло претензии на особые отношения с главной организацией. Опираясь на сложившиеся здесь исторические и партикуляристские традиции, Христианско-социальному союзу удалось утвердиться в политической системе страны в качестве самостоятельной партии, несмотря на схожие идейные и политические установки с ХДС и вопреки объективным консолидационным тенденциям. К историческим особенностям Баварии всегда относился отсталый аграрный характер местного хозяйства, обусловивший преобладание здесь патриархального крестьянства, всегда отличавшегося своим консерватизмом и

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.

To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm